

Смирнова Т. В.

Музей. Церковь. Власть

(По материалам Сергиево-Посадского историко-художественного музея-заповедника)

Одной из задач Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры, образованной еще осенью 1918 г., было создание историко-художественного музея на основе ценностей Лавры. Комиссия работала, получив благословение Святейшего Патриарха Тихона. Ее деятельность исследована о. Андроником (Трубачевым). К середине 1920-х гг. музей был создан и признан одним из лучших в СССР¹.

В годы великого перелома усилилась антирелигиозная пропаганда. На работу в музей устраивались члены партии, что приводило к конфликтам с создателями музея. Ярко описал ситуацию Ф. К. Попов², в ту пору учащийся Педагогического техникума, расположенного на территории Лавры, в здании МДА. Приведу обширную цитату из его воспоминаний³.

«Возмущало их [чоновцев] и то, что «научный» работник музея немец барон фон Дервиз Владимир Дмитриевич, руководя экскурсиями по Антирелигиозному музею в бывшем Троицком соборе, всегда публично благоговейно снимал свой головной убор перед вскрытыми мощами Сергия Радонежского⁴.

Другой «научный» сотрудник музея граф Олсуфьев даже сильно возмутился, когда сотрудник музея коммунист Пятков предложил ему написать опровержение, если в местной газете появилась заметка о недопустимости выполнения религиозных обрядов некоторыми сотрудниками музея перед вскрытыми мощами Сергия Радонежского⁵. Олсуфьев не только возмутился, но и резко отвечал, что «его религиозные личные убеждения не позволяют ему этого сделать, а на них никто из советских людей не имеет права публично посягать».

Такое нелепое положение с экскурсоводами в антирелигиозном музее не могло успокоить коммуниста Пяткова, и он решил действовать так, как считал нужным. Поэтому и вписал первую страницу в биографию Загорска, когда самовольно принялся практиковать в бывшей Лавре настоящие первые антирелигиозные экскурсии в Загорском антирелигиозном музее, когда мы тогда приходили к нему – чиновцы целыми отрядами. Пятков, как сотрудник музея, как заместитель начальника ЧОНа, действовал тогда совершенно правильно, если проводил свои антирелигиозные экскурсии в духе и в букве протокола Комиссии по публичному вскрытию мощей от 11 апреля 1919 г. и книге Михаила Васильевича Горева-Галкина «О Сергии Радонежском и созданной им Троице-Сергиевой лавре»⁶.

Однако такое своеволие Пяткова не нравилось набожному графу Олсуфьеву, и он разыгрывал из себя якобы очень деликатного человека «высшего круга», отводил его в сторону от экскурсантов и ехидно заявлял: «Вы это напрасно и самовольно проводите антирелигиозную пропаганду. Вы ведь сами в ней недостаточно осведомлены. Тем более что Вы, как рабочий, грамотно и говорить не умеете. А главное, Вас никто и не уполномочивал вести антирелигиозную пропаганду». <...>Да, тогда действительно Пяткову было довольно трудно действовать в музее и как зам. директора музея по хозяйственной части, и как коменданту бывшей Лавры, и как заместителю начальника Сергиевского ЧОНа, и как коммунисту. Но он не унывал и, как умел, так и действовал».

Стоит заметить, что автор этих воспоминаний, в дальнейшем получивший образование и занимавшийся преподавательской работой, и в 1970 г. возмущался тем, что в юбилейном докладе, посвященном 50-летию музея, его директор говорила о том, что возник он «на базе закрытой Троице-Сергиевой Лавры». В то время как, по мнению Ф. К. Попова, он «возник на базе Сергиево-Посадского Антирелигиозного музея, стихийно возникшего в бывшем Троицком соборе по инициативе трудового народа,

присутствовавшего при небывалом громовом разоблачении культа многовекового народного обмана во время массового открытия «нетленных мощей Сергия Радонежского» 19 июня 1919 г.»⁷.

В печати кампания травли музея развернулась с 1927 г. и достигла пика весной следующего года. В мае 1928-го в городе прошли аресты по так называемому «Делу антисоветской группы черносотенных элементов в г. Сергиево Московской области»⁸. Научный персонал музея вынужден был уйти. Новые люди, пришедшие на место тех, кто создал музей, занялись превращением его в Антирелигиозный центр. Начинали они с широковещательных заявлений о постановке антирелигиозной пропаганды. Но все сводилось к пьянству, воровству и т.п. Так, директор музея К.П. Злинченко раскапывал захоронения на территории Лавры в надежде найти сокровища. В частности, он вскрыл могилу князя П. И. Трубецкого и предлагал потом его правнуку взять череп покойного. В. С. Трубецкой отказался от такого «подарка». Этот же директор решил переименовать башни и церкви монастыря, например: храм им. Коминтерна. Кроме того, он распорядился замазать роспись церковных стен и заменить ее портретами руководителей страны⁹.

Директорами назначали малообразованных людей, для которых музейная работа была случайной. Как тут не вспомнить одного из булгаковских героев, председателя Акустической комиссии московских театров, переброшенного в Брянск на должность заведующего грибозаготовительным пунктом¹⁰.

Насколько болезненно бывшие сотрудники музея воспринимали действия новых руководителей, ведущие к гибели музея, который они создали, видно из разговора М. Пришвина с одним из них – А. Н. Свириным – в апреле 1930 г. Тот сказал, что у него «из головы не выходит – покончить с собой прыжком в крематорий». «А разве можно?» – спросил я. «Можно, –

сказал он, – когда ворота крематория открываются, чтобы пропустить гроб, есть момент, когда можно прыгнуть»¹¹.

Естественно, что часто сменявшиеся директора музея не были заинтересованы ни в исторической достоверности экспозиций, ни в сохранности музейных ценностей. Власти требовали выдачи на продажу икон, серебряной церковной утвари, драгоценных камней, жемчуга, тканей. Музей и не пытался возражать. Наоборот, например директор Злинченко сам предлагал сдать вещи из ризницы «для реализации на усиление нашего валютного фонда»¹².

Музейные вещи измеряли пудами. Какой была квалификация сотрудников музея, говорит такой факт. По распоряжению вышестоящей организации церковные облачения следовало упаковать в тюки по 6 пудов (!). При этом было приказано, чтобы в каждом тюке находились предметы одного наименования: фелони, стихари и т.д., завернутые в на престольные одежды, а тюки были перевязаны веревками крест-накрест. Но в музее не нашлось ни одного человека, который бы мог выполнить распоряжение: никто не знал названий церковных облачений (1930 г.)¹³.

Сотрудники музея и без распоряжений свыше демонстрировали кощунственное отношение к церковным предметам. Так, для изготовления помоста в красном уголке музея были использованы 45 икон XX в. (1935 г.) А для украшения сцены красного уголка изъяты из музея одежды на престол, накидки и пр.¹⁴.

Были ли попытки изменить положение? Об одной из них известно. В январе 1937 г. в музей был принят вернувшийся из ссылки известный краевед-историк М. И. Смирнов¹⁵. Директор музея, признававшийся, что сам он в музейном деле ничего не понимает, уговорил его стать заместителем по научной работе.

Уже с начала 1930-х годов Сталин выдвинул взамен идеи мировой революции идею построения социализма в одной стране, в связи с чем было

введено понятие советского патриотизма. «Вместе с идеей сильного государства не могла не сформироваться идея важной исторической роли государственных деятелей»¹⁶. И для М.И. Смирнова неким сигналом стало появление в «Правде» статьи П. М. Керженцева с резкой критикой постановки Камерным театром оперы-фарса «Богатыри», либретто которой написал Демьян Бедный. В статье говорилось, что «героика русского народа, этот богатырский эпос <...> превращается у Демьяна Бедного в материал для поголовного охаивания богатырей <...> Так показывать героев народного эпоса – значит исказить народную поэзию, клеветать на русский народ, на его историческое прошлое. Там же говорилось, что автор исказил историю, неверно изобразив крещение Руси, которое «было одним из главнейших условий, способствовавших сближению славян с Византией, а затем и со странами Запада, то есть со странами с более высокой культурой»¹⁷.

М.И. Смирнов в частном письме писал: «Из НКП музей перечислен в Комитет по делам искусств. Возлагаю надежду на Керженцева, <...> так громко заступившегося за наших богатырей. М<ожет> б<ыть>, удастся при его помощи обелить Сергия Радонежского, заплеванного самым грубым образом»¹⁸.

Однако выступление М.И. Смирнова с докладом о Сергии Радонежском на Ученом совете музея частью сотрудников было «принято в штыки». Тут же в местной газете появилась заметка «Руководители музея проглядели врагов народа», автор которой утверждал: «Смирнов дошел до такой наглости, что на Ученом совете выступил с докладом, превозносящем Радонежского «чудотворца» Сергия, <...> и, боясь, как бы чего не вышло, сразу после доклада уничтожил свои тезисы». Последнее было ложью. Масла в огонь подлила статья сотрудницы музея Кнапской, опубликованная в «Рабочей Москве». В статье говорилось о том, что экспозиции музея построены «согласно антиисторической схеме Покровского, которую поддерживали и «развивали» проникшие в ряды историков враги народа –

троцкисты». Автор также полагала недостаточной антирелигиозную направленность музея, утверждала, что посетителям пытаются внушить враждебные марксизму-ленинизму взгляды, и призывала партийные органы немедленно вмешаться и оздоровить музей¹⁹. «Оздоровление» выразилось в том, что четверых сотрудников, включая Смирнова и директора, уволили, а музей закрыли на реконструкцию.

Между тем, М. И. Смирнов, в отличие от других сотрудников музея, понял, что в связи с подготовкой к войне политика власти изменилась. Вскоре в литературе и искусстве началось прославление героического прошлого русского народа: в 1938 г. вышел на экраны фильм «Александр Невский», в 1940-м был опубликован роман С. П. Бородина «Дмитрий Донской», где одним из персонажей был Сергей Радонежский, и т. д.

Смирнов из-за этой истории с заступничеством за преподобного Сергия потерял и работу, и жилье, и возможность получить пенсию. Когда наконец разобрались, его даже приглашали вернуться, так как некому было делать экспозицию отдела истории XIV – XV вв. Но вернуться он не согласился. И тогда в помощь сотрудникам музея Управлением по делам искусств при СНК РСФСР на год была вызвана из Ленинграда искусствовед Ю. А. Лебедева, чтобы «построить экспозицию, которая бы отвечала ленинско-сталинским методам изучения истории»²⁰.

Однако Лебедева не стала отказываться от антирелигиозной направленности музейных экспозиций. Напротив, занявшись подготовкой к показу Троицкого собора, она предложила дать параллельно с обычным этикетажем антирелигиозный и убрать большую часть предметов, связанных с Сергием Радонежским, в том числе его раку с мощами и сень из Троицкого собора, являвшегося экскурсионным объектом. Особенно ярко антирелигиозная направленность выразилась в плане отдела истории Лавры в XIX–XX вв., который назывался: «Лавра – очаг мракобесия». Была запланирована и антирелигиозная выставка «Контрреволюционная борьба

церковников против советской власти». Автор плана выставки, который предпочел остаться анонимным, предложил показать «контрреволюционную деятельность церковников» как в масштабах страны, так и на местном материале. Среди экспонатов он не постеснялся представить такой «разоблачающий документ», как «Первая «комиссия» по охране памятников Троице-Сергиевой лавры, ее состав и связь с Тихоном», а также «Первая артель монахов – монахи-охранники Лавры». Вообще же Церковь планировалось обвинить буквально во всем, вплоть до связи со шпионскими организациями и подготовки войны против СССР. Подчеркивалась невозможность какого бы то ни было компромисса с Церковью. В качестве положительного примера был приведен список монастырей и скитов, используемых для разных нужд: Хотьковский монастырь – школа комбайнеров, Вифанский монастырь и Духовная семинария – рыбхоз Мособлтреста и т.д. Планировалось также организовать специально оборудованный лекторий и методический зал в помощь пропагандисту-антирелигиознику для лекций и показа фильма «Вскрытие мощей Сергия Радонежского», что и было сделано²¹.

В сентябре 1938 г. музей открылся для посетителей, затянулось только открытие отдела истории XIV–XV вв. Но разработанные и проверенные консультантами планы не спасли музей от критики. Комиссия МК ВКП (б) в январе 1939 г. вновь нашла ошибки, особенно по отделу истории XIX–XX вв. и по антирелигиозной выставке. На основании этой проверки музей снова закрыли. Работа над новыми экспозиционными планами, их утверждение, прием новых экспозиций комиссией МК ВКП (б) длились еще почти полгода²².

Возможно, что недовольство комиссий МК ВКП (б) экспозициями музея в 1938–1939 гг. на самом деле было вызвано желанием перестраховаться, ведь в такие опасные периоды истории обвинять безопасней, чем хвалить.

В предвоенные годы храмы и другие строения Лавры продолжали разрушаться. Значительную часть их музей сдавал в аренду разным предприятиям и организациям. И делалось это не только по распоряжению властей, но и порой по инициативе самого музея. Например, музей предлагал организовать в Лавре дом отдыха на 500 человек, используя для этого Больничные палаты XVII века, кухню же устроить в Смоленской церкви XVIII в.²³

Одним из основных занятий сотрудников было чтение лекций, в основном на антирелигиозные темы: «Происхождение религии», «Происхождение христианства», «Жил ли Иисус Христос?», «Наука и религия», «Коммунизм и религия» и т. п. Управление по делам искусств при СНК РСФСР в 1940 г. указывало, что научно-исследовательская работа в музее поставлена слабо, запланированные работы в большинстве своем не соответствуют профилю музея, а лекционная работа сосредоточена исключительно на антирелигиозной и исторической тематике. Управление было также против существования в Музее отдела соцстроительства и задач антирелигиозной пропаганды. Но сотрудники сопротивлялись закрытию этого отдела²⁴.

Очередная Комиссия еще в 1932 г. отметила, что «осмотр музея производит впечатление крайнего убожества, <...> поражает крайне запущенный и полуразрушенный вид огромного большинства архитектурных сооружений». Дальше положение только ухудшалось. И над всей грязью и разрухой развевался шестиметровый «революционный» флаг, прикрепленный к кресту колокольни. Он так расшатал крест, что одна из комиссий предлагала перенести флаг на центральный купол Успенского собора или на Пятницкую башню²⁵.

Такое состояние музея и прежде всего бесценных памятников архитектуры Лавры вызвало обеспокоенность вышестоящей организации – Управления по делам искусств при Мособлисполкоме. И в ноябре 1938 г. по

его инициативе состоялось совещание по вопросам реставрации памятников Лавры. Из протокола совещания видно, с какой опаской его участники аргументировали необходимость реставрации церковных памятников. Одни выступавшие нажимали на актуальность изучения старых методов живописи, видимо, в связи с работами по постройке Дворца Советов: «Старые мастера написали гениальную вещь. То, что они написали, нас не интересует. Художник мог бы написать и рыбака...» (И. В. Жолтовский). Другие подчеркивали, что Лавра – русский памятник, и ссылались на слова М. Горького, что «всякое русское искусство было народным искусством». В результате был утвержден генеральный план реставрационно-восстановительных работ. Были выделены деньги, и работы начались²⁶.

В годы войны произошло, как известно, некоторое сближение государства и Церкви. И у музейных работников возникла мысль к 25-летнему юбилею музея в апреле 1945 г. провести научную сессию и устроить выставку, посвященную Андрею Рублеву. Были подготовлены доклады, сборник статей о творчестве Андрея Рублева и альбом «Андрей Рублев и его современники в Загорском музее-заповеднике». Однако проведение сессии было внезапно отменено. Можно предположить, что у кого-то наверху возникли опасения по поводу прославления церковного искусства²⁷.

А с 1945 г. по распоряжению Управления по делам искусств началась передача ряда храмов Лавры и других зданий, а также некоторых богослужебных книг, церковной утвари и облачений от музея РПЦ. Мощи преподобного Сергия были перенесены из Троицкого собора в переданный Церкви Успенский собор. Но здания передавали не сразу, а постепенно. Это создавало большие трудности для музея. Приходилось то и дело перетаскивать фонды, закрывать недавно открытые выставки. Например, только что оживленно обсуждали, оставлять ли на выставке фелонь Сергия Радонежского, как нужно было передавать ее Патриархии. Только вложили силы и средства в реставрацию того или иного помещения и приспособление

его к экспозиционным целям, как надо его освободить и т.п.²⁸. Это не способствовало хорошим отношениям музея с монастырем.

Здания, которые музей отдавал, требовали большого ремонта и реставрации. В Митрополичьих покоях крыша была в дырах, перекрытия сгнили, потолок грозил обвалом. В Успенском соборе протекала кровля, так что вода струилась по фрескам, восточная стена позеленела, стекла были выбиты – дождь и снег попадали внутрь собора. Царские Чертоги находились в очень плохом состоянии: текла крыша, была испорчена канализация, помещения были очень запущенны и загрязнены²⁹. Патриархии пришлось срочно восстанавливать переданные объекты. При этом она обещала приложить все усилия, чтобы привести эти здания в надлежащее состояние, учитывая постановления по охране памятников старины. Но музей был недоволен качеством ремонтных работ³⁰.

В то же время без возражений он расставался с большим количеством предметов, считая их не имеющими музейного значения, и даже предлагал дополнительно передать немалое количество икон, книг, картин, портретов, литографий, фотографий и пр., порой даже без списков³¹.

Когда в послевоенное время монастырь и музей стали существовать на одной территории, возникли вопросы, как в этих условиях вести антирелигиозную пропаганду. На одном из совещаний научных сотрудников директор объявил, что экскурсовод является политагитатором, и разъяснил, что сведения, касающиеся монастыря и Церкви, должны сообщаться только в порядке ответов на вопросы, так как Церковь отделена от государства. А сотрудники в своих выступлениях призывали не идеализировать монастырь, не преувеличивать роль Сергия, Пересвета и Осляби³².

В 1948 г. снова были приняты меры по усилению религиозной составляющей экспозиции искусства XVIII в.: привлечен дополнительный материал светского характера из ГИМ, что, как полагали, скрадывало культовое назначение экспонатов. Была также произведена реэкспозиция

отдела древнерусского искусства: часть культовых предметов, принадлежавших Сергию Радонежскому, была изъята. В дальнейшем Главизо выдвинуло требование исключить из экспозиции митру митрополита Платона, плащаницу, кадило, оклады евангелий и т. п.³³

В 1950 г. после обследования музея горкомом партии опять остро встал вопрос об антирелигиозной пропаганде. Было предложено создать экспозицию по истории монастыря, отразив в ней его роль как феодала. Это выполнили в 1952 г.: открыли второй зал экспозиции «Монастырь-крепость», показав «эксплуататорскую роль монастыря» и «антифеодальные движения» XVII в. (карты вотчинных владений монастыря, крестьянских восстаний, документы и т.п.)³⁴.

С приходом к власти Н.С. Хрущева произошел новый всплеск антирелигиозной пропаганды. Вышло постановление ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения». И работу музея в этом направлении сочли недостаточной. Были даны рекомендации: в экскурсиях никаких справок о монастыре не давать, на вопросы типа: «Где брать святую воду?» отвечать: «Не знаю». На совещании научных работников предложили «разоблачать мертвящую роль церковного канона, мешавшего развернуть мастерам свои дарования», на примере покровов Сергия вскрывать борьбу реалистических тенденций в русском искусстве, разоблачать легенду о монашеском аскетизме, «усилить моменты народности в искусстве» и т. д. Было откровенно решено обратиться к довоенным материалам, дополнить ими экспозицию, чтобы усилить разоблачение монастыря как феодала-эксплуататора³⁵.

В октябре 1961 г. состоялся XXII съезд партии, на котором Хрущев потребовал организации атеистической пропаганды среди всего населения страны, в том числе верующих, и обещал как музейную редкость показать по телевидению «последнего советского попа»³⁶. В это время были внесены изменения в методическое руководство по обзорной экскурсии,

усиливающие атеистическую направленность. Со всеми сотрудниками были проведены занятия на тему «Реакционная сущность Троице-Сергиевой лавры». Многие сотрудники приняли участие в работе Университета атеизма, в городских атеистических мероприятиях, устраивали и аналогичные выставки. В 1962 г. был организован музейный кинолекторий по научному атеизму. Пересняли на узкую пленку кинофильм «Вскрытие мощей Сергия», завели альбом вырезок из журналов и газет на атеистические темы и постоянно его пополняли.

Музею снова пришлось менять научную тематику и содержание лекций, а также вносить изменения в экспозиции. Так, по решению горкома партии была произведена реэкспозиция исторического отдела с целью расширения хронологических рамок и показа реакционной и эксплуататорской роли Лавры от ее основания до 1920 г. В 1967 г. экспозиции музея были снова обновлены. В экспозиции исторического отдела XIV–XVIII веков усилили атеистические моменты. Особый акцент был сделан на развитии Троице-Сергиева монастыря как крупнейшей феодальной корпорации и его эксплуататорской сущности. Экспозиция искусства XVIII–XX вв. заканчивалась выставкой «Правда о православии»³⁷.

Постоянно росло число атеистических лекций, прочитанных сотрудниками музея. Так, в 1962 г. из 112 лекций 70 были атеистическими. В 1964 г. соответственно из 214 атеистическими были 139. При этом был разработан ряд новых лекций, таких как «Коммунистическая нравственность и религиозная мораль», «О вреде религии», «О быте духовенства Троице-Сергиевой лавры», «Приспособление русской православной церкви к современным условиям» и др.³⁸.

От НИИ Музееведения музей получил методическое пособие о том, как использовать художественные произведения для атеистической пропаганды, и сотрудница этого института Горелова разъяснила работникам музея, что экспозицию древнерусского искусства надо показывать в свете

воинствующего атеизма. Во исполнение постановления музей провел ряд мероприятий по повышению научно-атеистической направленности работы. Так, была создана новая методическая разработка экскурсий по экспозиции исторического отдела, проведены занятия с экскурсоводами, увеличено число лекций атеистической тематики. Особое внимание было обращено на создание второй части экспозиции исторического отдела, охватывающей XIX и XX вв. В ней были показаны такие темы, как «Быт высшего духовенства», «Реакционная деятельность духовенства при митрополите Филарете», «Реакционная деятельность Троице-Сергиевой лавры во время революций 1905 и 1917 гг.», «КПСС о церкви и свободе вероисповедания»³⁹.

Массовое закрытие церквей в хрущевские времена очень повлияло на работу музея. Сотрудникам музея в соответствии с приказом Министерства культуры РСФСР от 21 ноября 1960 г. было поручено обследование действующих и закрытых церквей для выявления и изъятия историко-художественных памятников. Эта работа проводилась ими не только в Московской, но и Тульской, Тамбовской, Костромской областях. В тех случаях, когда в храмах, где служба продолжалась, находили уникальные произведения искусства, возбуждали ходатайство о передаче их в музей, а из закрытых церквей аналогичные памятники изымали сразу. Таким образом, только в 1961 г. в Загорский музей поступило почти 300 вещей, в том числе 30 икон, 149 книг старой печати, 113 предметов прикладного искусства из серебра, меди, дерева, парчи и пр. Новые поступления подвергали дезинфекции, некоторые передавали на реставрацию⁴⁰. Было спасено немало ценных произведений искусства, которым грозила гибель.

Работа по выявлению и изъятию произведений древнерусского искусства усилилась в связи с приказом Министерства культуры РСФСР от 23 января 1964 г. По указанию Министерства Загорским музеем совместно с ГЦХРМ им. И. Э. Грабаря был проведен семинар работников музеев по древнерусскому искусству, на котором был заслушан ряд докладов

сотрудников музея. Необходимость семинара объяснялась участвовавшими случаями хищения икон из действующих и закрытых церквей и продажи их за границу. На семинаре присутствовали сотрудники многих областных музеев, живо интересовавшиеся вопросами юридического характера: «Можно ли изымать произведения искусства без разрешения райисполкома?», «Как быть, если уполномоченный по делам церкви при закрытии церквей не сообщает об этом музею, и все разворачивается?», «Как производить изъятие у частных лиц?» и т. п.⁴¹.

Т. В. Николаева, подводя итоги многолетней работы по обследованию церквей и спасению икон, писала: «При обследовании только Загорского района можно было убедиться, что в закрытых и действующих церквях до сих пор находятся древние произведения иконописи, прикладного искусства, книги старой печати, ценные исторические документы. Для того, чтобы поиски были более плодотворными, сотрудники музея проделали большую научную работу по изучению истории тех сел, которые предполагалось обследовать. Без этой предварительной подготовки можно было пропустить и не опознать ценные произведения искусства, так как они дошли до нас в сильно искаженном виде. Привлечение древних исторических источников, а также и документов нового времени полностью себя оправдало. Мы часто знали не только место, где необходимо было искать произведения искусства, но и что можно было найти. В качестве исторических источников были привлечены описи и вкладные книги Троице-Сергиева монастыря XVII века, писцовые книги XVII века, описания сел и городов Московской губернии XVIII века, историко-статистические данные XIX века. Ценнейший материал был извлечен из архивов нашего времени, где содержались важные сведения о перемещении вещей.

В первую очередь был обследован Загорский район, большинство сел которого в древности принадлежало Троице-Сергиеву монастырю. В монастырских документах оказались сведения о передаче произведений

иконописи, рукописей и книг старой печати в сельские деревянные церкви Радонежского уезда. При постройке в XVIII–XIX вв. каменных церквей на месте обветшавших деревянных старые иконы, книги и утварь часто переносили в новые храмы, где они и сохранялись до наших дней. В XVIII в. после секуляризации церковных имений владельцами многих подмонастырских сел стали крупные помещики, являвшиеся ктиторами церквей и вкладчиками фамильных произведений искусства. Таким образом в церквях скапливались разновременные произведения, имевшие большие художественные достоинства и представляющие интерес для историков культуры разных эпох»⁴².

Всего, как указывает Т. В. Николаева, только за 1959–1964 гг. было привезено в музей около 100 икон XV–XVIII вв., 590 томов книг старой печати XVII–XVIII вв. и 169 произведений искусства XVI–XVIII вв. В 1966 г. была открыта выставка, на которой были представлены иконы, спасенные из церквей экспедициями разных музеев (в том числе целый ряд икон XV – XVIII вв., привезенных ЗМЗ) и реставрированные в ГЦХРМ и ВЦНИЛКР.

Окончание хрущевского периода не означало прекращения антирелигиозной пропаганды. Так, в 1970 г. музей в связи с 50-летним юбилеем получил первую категорию, как культурно-просветительное и научно-исследовательское учреждение, изучающее и пропагандирующее с позиции научного атеизма русскую историю и культуру XIV – XVII веков, включая советский период, в том числе русское народное искусство XVII – XX вв. В эти годы музею был передан ряд зданий для организации выставок, в том числе церкви Пятницкого монастыря на Подоле, в селах Радонеж (Городок) и Воздвиженское⁴³.

Когда в 1990-е годы изменилось отношение власти к Церкви, музей учел перемену политики. Так, в 1992 г. была проведена научная конференция, посвященная 600-летию со дня кончины Сергия Радонежского, и устроена выставка «Образ Сергия Радонежского в произведениях искусства

XIV – XX вв.». Больше стало разрабатываться тем, связанных с православной культурой. В 1998 г. состоялась международная конференция «Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России» (на грант фонда Сороса). В дальнейшем такие конференции стали проходить каждые два года. На них зачитываются доклады об истории монастыря, о развитии почитания преподобного Сергия Радонежского и других русских святых, о вотчинных владениях монастыря и его торговой деятельности, о Московской духовной академии, о книгах Лавры; доклады, посвященные персоналиям иноков монастыря; рассматриваются также вопросы сохранения и реставрации архитектурных памятников Лавры и др.

Но одновременно в 1990-е гг. между музеем и Лаврой возник серьезный конфликт интересов, так как Лавра стала настаивать на передаче ей ризницы и удаления музея с территории монастыря. Наместник Лавры архиепископ Феогност писал о необходимости создания в Лавре музея православной культуры. Музей же, ссылаясь на принятый в 1994 г. закон о неделимости музейных коллекций, не соглашался с этим и вступил в борьбу с Патриархией. В конце концов, на территории Лавры остался отдел с экспозициями «Ризница XIV – XVII вв.», «Ризница Троице-Сергиевой лавры синодального периода» и «Книги и иконы из собрания ризницы Троице-Сергиевой лавры». Остальные отделы были выведены за пределы стен Лавры в другие помещения. С 2010 г. наместник Лавры архиепископ Феогност стал генеральным директором всего Сергиево-Посадского государственного историко-художественного музея-заповедника.

В заключение отметим, что сотрудниками Сергиево-Посадского историко-художественного музея-заповедника за годы его существования проделана большая работа в области собирательства, хранения и изучения предметов церковного искусства, а также распространения среди населения знаний о древнерусском искусстве и об истории Лавры. Наряду с этим с конца 1920-х и до начала 1990-х гг. музей активно выполнял решения власти

в части антирелигиозной пропаганды путем создания экспозиций и выставок соответствующей направленности, проведения экскурсий и чтения лекций. Периоды ослабления требований к антирелигиозной пропаганде мало сказывались на интенсивности этой деятельности. Порой сотрудники музея проявляли в этом отношении даже больший энтузиазм, чем вышестоящие организации.

Автор приносит глубокую благодарность И. Л. Кызласовой за предоставленную возможность использовать ксерокопии полученных от нее дел Архива ФСБ при подготовке статьи «Крестьянские волнения...», опубликованной в 13 сборнике «Кадашевские чтения».

¹ Трубачев Андроник, игумен. Закрытие Троице-Сергиевой Лавры и судьба мощей преподобного Сергия Радонежского в 1918 – 1946 гг. М., 2008. С. 11 – 12.

² Попов Ф. К. (1900 – 1979), сын библиотекаря МДА, «чоновец», член, потом зам. ответственного секретаря Центрального совета Союза воинствующих безбожников. ЧОН, части особого назначения (1919 – 1925) – военно-партийные отряды, созданные для помощи советским органам в борьбе с контрреволюцией. Союз воинствующих безбожников (1925 – 1947), всесоюзное антирелигиозное общество.

³ ЦГАМО. Ф. 314. Д. 35. Л. 11 – 16.

⁴ Дервиз В. Д., (1859 – 1937) художник и общественный деятель, один из создателей музея, потомок приехавшего в Россию в XVIII в. выходца из Швеции немецкого происхождения, бароном не был.

⁵ Олсуфьев Ю. А. (1978 – 1938, расстрелян), граф, искусствовед и музейный деятель, один из создателей музея.

⁶ Горев М. Троицкая лавра и Сергей Радонежский. М., 1920. Горев – литературный псевдоним М.В. Галкина (? – 1930), быв. священника, помощника редактора газеты «Безбожник», секретаря председателя Антирелигиозной комиссии Ем. Ярославского.

⁷ ЦГАМО. Ф. 314. Д. 105. Л. 88 – 90.

⁸ Просим освободить из тюремного заключения: Письма в защиту репрессированных /сост. В. Гончаров, В. Нехотин. М., 1998. С. 171 – 172.

⁹ Половинкин С. М., Флоренский П. В. Второй арест // П. А. Флоренский: арест и гибель. Уфа, 1997. С. 31–41.

¹⁰ Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. // «Я хотел служить народу...». Проза. Пьесы. Письма. Образ писателя. М., 1991. С. 487.

¹¹ Пришвин М. 1930 год // Октябрь. 1989, № 7. С. 154.

¹² Архив СПМЗ. Д. 2/12. Л. 3.

¹³ Там же. Д. 2/12. Л. 1, 4, 10–11; 2/17. Л. 1–9, 18–21, 26, 28; 1/157. Л. 6, 10; 1/58. Л. 21–23; 1/45. Л. 19.

¹⁴ Там же. Д. 2/40. Л. 1, 6.

¹⁵ Смирнов Михаил Иванович (1868–1949), историк-краевед, организатор и первый директор музея в Переславле-Залесском, председатель Переславль-Залесского научно-просветительского общества; арестован в 1930 г. и сослан на три года в Сибирь.

¹⁶ *Дубровский А.М.* Историк и власть. Историческая наука в СССР в концепции истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1959-е гг.). Брянск, 2005. С. 82.

¹⁷ *Керженцев П. М.* Фальсификация народного прошлого // Правда. 15.11.1936.

¹⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 547. Ед. хр. 54. Л. 92–94, 97–98.

¹⁹ *Волков В.* Руководители музея проглядели врагов народа // Вперед (местная газета). 08.07.1937; *Княпская Т.* Клевета на прошлое русского народа // Рабочая Москва. 28.08.1937.

²⁰ Архив СПМЗ. Д. 1/68. Л. 8; Д. 1/70. Л. 58–59. Лебедева Юлия Андреевна (1893–1962), искусствовед, автор книг об Андрее Рублеве.

²¹ Архив СПМЗ. Д. 1/70. Л. 98–101, 116–138, 141.

²² Там же. Д. 1/68. Л. 17; 1/73. Л. 2.

²³ Там же. Д. 1/46. Л. 1, 22, 23; 1/55. Л. 11; 1/56. Л. 1, 10, 29; 1/45. Л. 4, 5.

²⁴ Там же. Д. 1/83а. Л. 4–6; 1/80. Л. 7; 1/74. Л. 34.

²⁵ Там же. Инв. 1534. Доклад тов. Тонкина о работе Загорского музея на заседании секции докапиталистических формаций Института Истории Комкадемии 28 февраля 1932 г. Л. 39; Д. 1/65. Л. 2.

²⁶ Там же. Д. 1/69. Л. 1–25.

²⁷ *Грабарь И. Э.* Письма. 1941–1960. М., 1983. С. 65, 243.

²⁸ Архив СПМЗ. Д. 1/139. Л. 6; 1/149. Л. 9а; 1/146. Л. 16; 1/134. Л. 7; 1/127. Л. 11а.

²⁹ Там же. Д. 1/1/168. Л. 18–18, 36–39; 1/167. Л. 7; 1/180. Л. 15; 1/181. Л. 12–13, 42, 44; 1/183. Л. 59; 1/204. Л. 1; 1/215. Л. 4.

³⁰ Там же. Д. 1/117. Л. 8–10; 1/120. Л. 80–81.

³¹ Там же. Д. 1/116. Л. 51–73; 1/117. Л. 37.

³² Там же. Д. 1/127. Л. 35–40.

³³ Там же. Д. 1/142. Л. 9; 1/155. Л. 60.

³⁴ Там же. Д. 1/155. Л. 35; 1/178. Л. 12.

³⁵ Там же. Д. 1/188. Л. 31, 66–72.

³⁶ *Шкаровский М.В.* Русская православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 2005. С. 378, 382.

³⁷ Архив СПМЗ. Д. 1/248. Л. 16, 18, 22, 37; 1/260. Л. 5–7; 1/242. Л. 12; 1/248. Л. 37; 1/254. Л. 14, 22.

³⁸ Там же. Д. 1/260. Л. 1–3.

³⁹ Там же. Д. 1/257. Л. 42, 44; 1/259. Л. 36.

⁴⁰ Там же. Д. 1/242. Л. 11, 36–37; 1/248. Л. 6–8; 1/254. Л. 2, 16, 17, 19.

⁴¹ Там же. Д. 1/260. Л. 16; 1/157. Л. 23–26.

⁴² *Николаева Т. В.* Экспедиции Загорского музея по сбору произведений древнерусского искусства // Тезисы докладов к Всероссийской научной конференции, посвященной новым исследованиям в области древнерусского искусства и итогам экспедиций музеев

РФСР. Л., 1966. С 43 – 47. Николаева Татьяна Васильевна (1921–1984, искусствовед, историк, археолог; работала в Загорском музее-заповеднике в 1948–1966 гг.)

⁴³ Архив СПМЗ. Д. 1/382. Л. 4; 1/408. Л. 5; 1/416. Л. 20; 1/424. Л. 5; 1/426. Л. 14.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ВКП (б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)

ВЦНИЛКР – Всесоюзная центральная научно-исследовательская лаборатория по консервации и реставрации музейных ценностей

ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР (1917–1922)

Главизо – Главное управление изобразительных искусств Наркомата просвещения РСФСР

ГЦХРМ – Государственные центральные художественно-реставрационные мастерские

ЗМЗ – Загорский музей-заповедник

КПСС – Коммунистическая партия Советского союза

МК – Московский комитет

НИИ – Научно-исследовательский институт

НКП – Народный комиссариат просвещения

РПЦ – Русская Православная Церковь

ЦГАМО – Центральный государственный архив Московской области

ЦК – Центральный комитет

ЧОН – Части особого назначения (1919–1925) – военно-партийные отряды, созданные для оказания помощи органам советской власти по борьбе с контрреволюцией и действовавшие в тесном контакте с органами ВЧК

Опубл.: Кадашевские чтения. Сборник докладов конференции. XIV. М., 2014. С. 164–176.